

Первые опыты планирования

Госплан Союза, как известно, не сразу после своего образования поставил перед собой задачу построения многолетних перспективных планов. В первом учредительном акте об образовании Госплана от 22/II 1921 г. перед ним ставилась лишь одна общая задача: разработка «единого общегосударственного хозяйственного плана», для чего по «Основным положениям организации» Госплана от 1 апреля того же года предусматривалась специальная «подкомиссия плановых предположений ближайшего года». Говоря иначе, сама организация Госплана предусматривала только текущее планирование, не выходящее за пределы одного года. Злобы текущего дня, связанные с тяжелым неурожаем 1921 г., кризисом топливоснабжения, транспортной разрухой и прочими хозяйственными затруднениями того этапа не оставляли времени для сколько-нибудь серьезных работ по многолетнему перспективному планированию. Общая перспектива была уже дана в плане электрификации страны. А проработка более конкретных проектировок на целый ряд лет вперед в тогдашней обстановке представлялась чересчур абстрактной академической задачей.

В первое время Госплану редко удавалось уделять свое внимание даже годовым планам. И то не в комплексном виде по всему народному хозяйству в целом или хотя бы по всей промышленности зараз, а в розницу по отдельным производственным программам, например по резиновой промышленности, металлургической, по Главсахару, Главрыбе, по смете Волховстроя, по Иваново-вознесенской электростанции и т. д. Транспортные эксплуатационные планы составлялись и рассматривались вначале по полугодиям, сельскохозяйственные — тоже. А еще чаще Госплану приходилось рассматривать и вовсе эпизодические, хотя и очень острые злобы хозяйственного дня: «об экстренных мерах по топливоснабжению республики», «о помощи Юго-восточному району, пострадавшему от неурожая», «об урегулировании движения беженцев в неурожайных районах», «о засевах озимого клина в 1921 г. в пострадавших от неурожая местностях РСФСР», «о сокращении продфонда по графе совработников», «о бакинском водопроводе», «о шпалах», «о провале мостов в Ново-Балице, Быкове и Шилове» и т. д. и т. п., не говоря уже о всякой другой текущей вермишели¹.

¹ См. перечень вопросов, обсуждавшихся в президиуме Госплана с 1/IV 1921 г. по 15/II 1922 г. „Бюллетени Госплана“, вып. 1, апрель 1922 г., стр. 56—62.

Из 224 вопросов, рассмотренных президиумом Госплана за первый год его существования, только 17 раз (7,6% случаев) перед нами стояли годовые или полугодовые планы отдельных отраслей хозяйства или производственных объединений. И тем не менее опыт уже первого года работы Госплана выдвинул перед нами в связи с задачей восстановления важнейших отраслей индустрии вопрос о перспективном планировании, ибо в однолетние планы такие проблемы никак не укладывались. А именно уже осенью 1921 г. по инициативе П. А. Богданова в Госплане был поставлен вопрос «о выработке плана работ металлопромышленности на предстоящее пятилетие». Это признание необходимости приступить наряду с текущим планированием и к проработке более длительных перспективных планов нашло себе отражение и в пересмотренном «Положении о Госплане» от 8/VII 1922 г. Уже в первом его пункте значилось следующее задание:

«Государственная плановая комиссия (Госплан) при СТО имеет своей задачей разработку перспективного плана народного хозяйства на основе утвержденного IX съездом советов плана электрификации, а равно разработку эксплуатационного плана текущего года»¹.

Однако и после этого законодательного акта дело с разработкой перспективных планов двигалось очень туго. Злобы текущего планирования настолько приковывали к себе общее внимание Госплана, что сосредоточиться на какой-нибудь другой хотя бы и очень важной работе повидимому никак не удавалось.

Еще 21 марта 1922 г. по докладу А. Н. Долгова в промсекции «о плане работ промышленности на ближайшие годы» отмечалось, что за отсутствием значительных ресурсов для восстановительных работ («Металлическую промышленность государство своими средствами поддерживать не может. На концессии рассчитывать трудно»...) необходимо составить перспективный план хотя бы частичного восстановления «на некоторый переходный период», и принята следующая установка: «Включить в план работ промсекции в ближайшее время разработку вопросов, связанных с подготовкой плана восстановления промышленности на переходный период, т. е. до уровня, соответствующего в среднем 50% ее состояния до войны»².

В данном случае не указано, на сколько лет проектировался этот план. Практика первых лет перспективного планирования в этом отношении была довольно пестрая. Например НКЗем УССР строил семилетние планы, НКЗем РСФСР проектировал по земледелию пятилетний, по лесному хозяйству — трехлетний. Были даже

¹ «Бюллетени Госплана», вып. 1, апр. 1922 г., стр. 59.

² Архив Госплана. Дело № 44, прот. № 59, л. 105.

сторонники двухлетних перспективных планов¹. Но в Союзном Госплане вообще и в промсекции в частности с самого начала была твердая установка на пятилетний охват перспективных планов. Таким образом очевидно промсекция рассчитывала достигнуть 50% довоенной нормы не раньше 1927/28 г. Минимализм этой оценки теперь, когда мы знаем, что уже в 1926/27 г. мы достигли свыше 100% довоенной нормы промышленной продукции, не требует пояснений.

Однако намеченная промсекцией «подготовка плана восстановления» повидимому подвигалась очень туго. Промсекция Госплана стремилась запрячь в эту подготовительную работу прежде всего ведомственный аппарат ВСНХ. Последний под разными предложениями уклонялся от этой работы. И в общем этот тихий бюрократический саботаж продолжался очень долго. По крайней мере уже через год после доклада Долгова в президиуме Госплана проф. Осадчий «удивлялся», что «Главметалл все время отказывается от разработки перспективного плана на том основании, что у него нет соответствующих директив от Госплана», хотя по словам Осадчего «общие директивы давно уже даны»². В том же заседании президиума от 22 февраля 1923 г. ВСНХ получил новое срочное задание «в месячный срок разработать и внести в Госплан перспективный план развития металлургии на ближайшее 5-летие»³. Однако и это поручение не было выполнено. Плановая дисциплина, сильно хромающая и ныне, тогда и вовсе не пользовалась большим престижем. Невыполненное задание Госплана было вновь подтверждено через месяц, на этот раз уже специальным постановлением Совета Труда и Оборона от 25 марта. И через несколько месяцев, а именно 17 июля 1923 г. президиум Госплана получил наконец возможность заслушать первый набросок пятилетнего плана по одной из важнейших отраслей государственной промышленности.

* * *

«Перспективный план металлургической промышленности» на 1923/24—1927/28 гг. составлен Главным управлением металлопромышленности (ГУМП) и в несколько улучшенном варианте одобрен промсекцией Госплана. Ответственными составителями и докладчиками этого плана были небезызвестные впоследствии вредители-инженеры Хренников и Гартван. С какого года они стали вредителями нам неизвестно в точности⁴. Но качество созданной ими первой ласточки перспективного планирования близко смахивало на вредительство.

¹ См. выступление И. И. Попова в президиуме Госплана по докладу о пятилетке Калининкова: «Разве можно составить план на 5 лет, на 10 лет? Это будет только статистика и арифметика... При сумме всех знаний рынка, условий производства, состояния капитала все это позволяет наметить план только на 2 года». Прот. № 127 от 1/XII 1923 г., л. 383. Совершенно по другим мотивам выдвигалась идея плана двухлетки А. И. Рыковым в 1929 г., но об этом уместнее будет сказать в другой связи.

² «Бюллетени Госплана», 1923 г., вып. 3-4, стр. 65.

³ Там же, стр. 66.

⁴ На процессе вредителей «промпартии» впрочем установлено, что первый вредительский «и ж.-техн. центр» организован не раньше конца 1925 г. Гартван прикинул к нему только в 1926 г., Калининков — летом 1927 г., а «промпартия» оформилась лишь в середине 1928 г. «Известия» 1930 г., №№ 325—330 и след.

В отношении методологии построения этого плана не сохранилось никаких известий. В качестве «основной предпосылки» к составлению плана объяснительная к нему записка от 17/VI 1923 г. полагает, «что в данный момент тяжелого экономического кризиса нет оснований предполагать его кратковременность, а потому металлургия РСФСР, соразмеряя мощность своих заводов с наличием государственных ресурсов и экономно расходуя эти ресурсы, должна развивать лишь ту продукцию, которая составляет минимум потребности страны и строго соответствует ее покупательной способности»¹. Эта минималистская установка не встретила тогда особого отпора. Ресурсы наши тогда действительно были очень скромны. Ликвидировать тяжелую хозяйственную разруху, из которой мы тогда выходили, в очень короткий срок — было бы слишком смелой мечтой. И все же минималистская установка ГУМП'а даже с поправками Госплана в сторону увеличения оказалась совершенно несостоятельной и опрокинутой дальнейшим опытом нашего развития.

Таблица 1
Пятилетка Гартвана по металлургии

Г о д ы	Валовая продукция в млн. т						Капитальные затраты в млн черв. руб.		Прибыль в млн. руб.
	Чугун		Сталь		Прокат		Абс.	%	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1913.	4,21	—	4,28	—	3,58	—	?	—	?
1922/23.	0,30	100	0,59	100	0,46	100	9,82	100	—6,7
П л а н									
1923/24.	0,41	137	0,64	108	0,49	107	15,5	158	—7,0
1924/25.	0,57	190	0,85	144	0,65	141	20,8	212	—5,0
1925/26.	0,74	247	1,07	182	0,82	178	29,4	299	—2,0
1926/27.	0,98	327	1,28	217	0,98	214	42,7	435	—
1927/28.	1,23	410	1,48	251	1,14	248	62,8	640	—
За 5 лет	3,93	—	5,32	—	4,08	—	171,2	—	—14,0
И с п о л н е н и е									
1923/24.	0,68	227	0,99	168	0,68	148	15,6	159	3,2
1924/25.	1,29	430	1,87	317	1,42	310	30,6	312	16,7
1925/26.	2,21	737	2,91	493	2,25	490	77,1	786	19,2
1926/27.	2,97	990	3,64	672	2,70	587	117,5	1.197	25,5
1927/28.	3,28	1.093	4,16	705	3,37	733	169,2	1.723	51,1
За 5 лет	10,43	—	13,57	—	10,42	—	410,0	—	115,7

¹ Архив Госплана. См. докл. записку И. А. Калининкова о перспективном производственном плане по металлургии на 1923/24—1927/28 гг. от 27/VI 1923 г.

В самом деле. Приведем основные наброски пятилетки Гартвана в сопоставлении с отчетными данными о фактическом росте советской металлургии (см. табл. 1).

Как видим, за первый же год проектировки Гартвана были превзойдены жизнью раза в четыре, и вся пятилетка оказалась выполненной и даже перевыполненной уже за первые два года. Таким образом если у составителей этой пятилетки и был вредительский умысел, то осуществить его им во всяком случае не удалось. Конечно авторитет инженеров, давших такую «промашку» в своих оценках наших производственных возможностей, потерпел сильный урон.

Инженер Гартван уверял нас, что предложенный им «план производства выражает собой максимальные возможности»¹. Причем для их осуществления требовались по его расчетам очень внушительные для того времени вложения в оборотные фонды металлургических заводов. За пять лет эти вложения определялись им в 156,2 млн. рублей, в том числе только на первый год своей пятилетки (1923/24) Гартван требовал не менее 71,6 млн. руб. в оборотные средства помимо погашения и убытков (7 млн. руб.) и затрат на капитальный ремонт и реконструкцию (15,5 млн.). На самом деле, как видно из сопоставления балансов на 1 октября 1923, 1924 и 1928 гг., прирост оборотных средств по всей черной металлургии составил (по активу) и в товарной и в денежной форме за 5 лет вместо 156 млн. только 42 млн. руб., а специально за 1923/24 г. вместо 71,6 млн. всего 1,6 млн. руб. Этот подсчет в оборотных средствах тем характернее, что по размерам продукции план Гартвана был превзойден в несколько раз, и стало бы можно было бы ожидать соответствующего расширения потребностей в оборотных ресурсах.

Происхождение этой ошибки дает ключ и ко всем остальным. «В части развертывания — как это отмечалось еще в 1923 г. при обсуждении данной пятилетки — план характеризует определенную боязнь перепроизводства, боязнь того, что покупательная способность незначительна и что металлопромышленности придется работать на склад»². Конечно при работе на склад потребовались бы несравненно более крупные вложения в оборотные средства. Но на самом деле нам угрожало в этой области не затоваривание, а все более обостряющийся по мере роста социалистического строительства металлический голод.

Гартвану представлялось, что и для тех жалких вариантов развития металлургии, которые у нас тогда проектировались, «денег нет». И потому в работу намечалось пустить из 136 наличных в 1913 г. домен даже к концу пятилетки не свыше 39, а остальные сдать на консервацию или в аренду концессионерам. Авторы пятилетки высчитывали, что даже избранные для работы лучшие заводы будут убыточными

¹ „Бюллетени Госплана“, вып. 5, май 1923 г., стр. 58.

² Там же, стр. 59.

и определяли на 1923/24 г. 7 млн. руб. убытку, на следующий — 5, на третий — 2 млн. и на последние два — только безубыточность производства. На самом деле, несмотря на снижение цен, мы получили уже за первый год 3,2 млн. руб. прибыли, за следующие годы прибыль возрастала в такой прогрессии: 16,7; 19,2; 25,5 и 51,1 млн. руб., что в общем за пятилетие дало 115,7 млн. руб. Если к этому добавить еще 100,8 млн. руб. амортизационных отчислений по черной металлургии, то станет ясно, — что только за счет внутренних ресурсов этой наиболее пострадавшей от разрухи отрасли производства мы располагали около 216 млн. руб., т. е. на 45 млн. больше, чем требовалось по расчетам Гартвана на все капитальное строительство в этой отрасли за целое пятилетие (171,2 млн. руб.).

Таким образом и «деньги» нашлись. Фактически к 1928 г. было пущено в работу вместо 39 уже 62 лучших домны, затрачено на капитальное строительство в черной металлургии за 5 лет вместо 171 млн. 410 млн. руб. и получено к концу пятилетки по сравнению с прогнозом Гартвана раза в три больше металла. О чем же говорят эти факты? Да прежде всего о том, что если Хренниковы, Гартваны и К^о и пытались кого-либо одурачить своими архи-пессимистическими «прогнозами», то фактически в дураках остались они сами и никто другой, ибо ни одно из неудачливых их пророчеств не осуществилось на деле.

Через несколько месяцев ГУМП, который еще недавно шел в своих проектировках ниже Гартвана, выдвинул на 1923/24 г. в порядке текущего планирования новую программу производства черного металла, раза в полтора выше наметок пятилетки Гартвана на тот же год. И хотя Гартван признал ее слишком «оптимистической» и снова пугал «кризисом сбыта», на деле и эта увеличенная программа оказалась перевыполненной¹.

В качестве следующего опыта перспективного планирования можно назвать промышленную пятилетку на 1923/24—1927/28 гг., доложенную президиуму Госплана 1 декабря 1923 г. инж. Калининским. В отличие от пятилетки Гартвана она охватывает уже не одну отрасль, а 32, т. е. основной массив всей государственной промышленности в целом.

В отношении целевых установок промсекции в этой работе никакой ясности не было. Методология построения отдельных планов была крайне элементарна: «Имея перед собой 2-3 основных точки, которые мы наносим на диаграмму, — объяснял свой метод Калининский, — мы из этих точек идем дальше»¹. Основная установка в отношении темпов была при этом дать «минимальные, но реальные» планы.

¹ „Бюллетени Госплана“, вып. 11-12, 1923 г., стр. 178—180. По проекту ГУМП'а выплавка чугуна намечалась в 545 тыс. т, стали—970 тыс. т и проката—670 тыс. т.

Поскольку составители данной пятилетки шли в своей проектировке, опираясь на опыт первых лет планирования и метод экстраполяции этого опыта из прошлого в будущее, необходимо напомнить, что за 1921/22 г. продукция нашей промышленности возросла раза в полтора и за 1922/23 г. процентов на 40, причем исполнение за оба эти года шло в общем ниже плановых проектировок ВСНХ и Госплана².

По подсчетам ВСНХ для издания «Динамика промышленности за 40 лет» вся цензовая промышленность в пределах СССР, начиная с 1913 г., работала в следующих объемах по довоенным ценам.

Таблица 2

Динамика цензовой промышленности СССР за 1913—1923 гг.

Годы	Число рабочих			Валовая продукция			Выработка 1 рабочего		
	В тыся- чах	В %		В млн. довоенн. рублей	В %		В руб. за год	В %	
		к 1913 г.	к пре- дыдущ. году		к 1913 г.	к пре- дыдущ. году		к 1913 г.	к пре- дыдущ. году
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1913	2.482	100	—	5.722	100	—	2.305	100	—
1914	2.520	101,5	101	5.333	93,2	93,2	2.116	91,8	91,8
1915	2.700	108,8	107	6.092	106,5	114,2	2.256	97,9	106,6
1916	2.891	116,5	107	5.753	100,5	94,4	1.990	86,3	88,2
1917	2.938	118,4	102	3.982	69,6	69,2	1.355	58,8	68,1
1918	2.289	92,2	78	1.861	32,5	46,7	813	35,3	60,0
1919	1.571	63,3	69	975	17,0	52,4	621	26,9	76,4
1920	1.467	59,1	93	824	14,4	84,5	562	24,4	90,5
1920/21 . . .	1.480	59,5	—	(840)	14,7	—	567	24,6	—
1921/22 . . .	1.245	50,2	85	1.278	22,3	152,0	1.027	44,5	181,0
1922/23 . . .	1.462	58,9	117	1.794	31,4	140,4	1.227	53,2	119,4

¹ Архив Госплана, президиум, прот. № 127, л. 437.

² О проектируемых темпах в общем по всей промышленности у нас за отсутствием сводных промфинпланов первых лет планирования сведения далеко не полные. Но по сохранившейся у нас сводке по 27 отраслям планируемой промышленности план 1921/22 г. был выполнен только на 77%. На 1922/23 г. общий прирост планируемой промсекцией продукции проектировался в 45,4%. См. „Бюллетени Госплана“, 1923 г., май, стр. 36.

До 1920 г. мы наблюдаем резкое падение продукции. Кривая подъема определяется здесь всего тремя точками (1920/21, 1921/22 и 1922/23 гг.). Экстраполяция как метод планирования вообще не применима в наших условиях, тем менее надежной является она при наличии кривой, базирующейся всего на трех точках. Тем не менее замедление темпов роста продукции, наметившееся в 1922/23 г., составители плана экстраполировали на все пятилетие. А из невыполнения производственных программ первых лет сделали вывод о необходимости особой осторожности и «реализма» в проектировках на будущее.

В наиболее суммарных показателях промышленная пятилетка 1923/24—1927/28 гг. представлена в следующей таблице.

Промышленная пятилетка Калининкова¹ [Таблица 3]

Годы	Валовая продукция в млн. дов. руб.		В % к 1922/23 г.	Выработка 1 рабочего в % к 1922/23 г.	Себестоимость в % к 1922/23 г.	Отпуск. цены на конец года		Накопление в млн. черв. р.		Капит. затраты в млн. черв. руб.
	Абс.	В %				1913 г. = 100,0	1922/23 г. = 100,0	Прибыль	Амортизация	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
П л а н										
1922/23	1.156	100	—	100	100,0	—	—	—	—	—
1923/24	1.371	119	19	115	95,6	—	—	—	—	75
1924/25	1.762	152	28	136	86,5	—	—	—	—	86
1925/26	2.205	191	25	156	79,4	—	—	—	—	80
1926/27	2.696	233	22	175	72,8	—	—	—	—	92
1927/28	3.260	282	21	194	66,6	—	—	—	—	120
За 5 лет	11.294	—	—	—	—	—	—	—	—	443
И с п о л н е н и е										
1922/23	(1.480)	100	—	100	100,0	274,5	100,0	112	(180)	158
1923/24	(1.920)	130	30	114	88,0	205,4	74,6	125	(185)	275
1924/25	3.018	204	57	168	76,3	196,7	71,5	456	276	426
1925/26	4.213	285	39	187	77,7	199,6	72,5	614	365	930
1926/27	5.034	340	19	212	76,3	185,7	67,4	659	395	1.134
1927/28	6.189	418	22	241	71,6	185,1	67,3	836	444	1.539
За 5 лет	20.374	—	—	—	—	—	—	2.690	1.665	4.304

Запроектированные здесь темпы при сопоставлении их с капиталистическими образцами совсем не плохи. Почти утроенная за 5 лет продукция, удвоенная производительность труда и снижение издержек производства на целую треть при очень умеренном финансировании промышленности извне — не казались нам в 1923 г. слишком преумень-

¹ См. „Планов. хоз-во“ 1924 г., № 3, стр. 90, „Эконом. обозрен.“ 1930 г., № 1, стр. 192 и „Ежемес. стат. бюллетень ВСНХ“ с июля 1923 г. Приросты продукции за первые 2 года определены по „ранее принятому методу“ учета продукции с поправкой на „коэффициент сравнимости“ круга учтенных предприятий. Прочие данные по материалам Госплана.

шенными заданиями по отношению к ВСНХ. Но, как показал опыт последующих лет, наши возможности были значительно выше этих проектировок. Фактический рост всей ценовой промышленности СССР шел гораздо быстрее предположений Калининкова и К^о.

Продукция, учтенная в таблице 3, относится только к кругу т. н. планируемой промышленности ВСНХ. При этом в абсолютных цифрах план и исполнение не сравнимы, ибо в плане продукция учитывалась по трестовской оценке, т. е. без внутреннего оборота трестов, а в исполнении вследствие изменения метода учета с 1924/25 г. дается валовая продукция по заводской оценке, т. е. со включением внутри-трестовского оборота. Нужно заметить, что отчетная цифра продукции за 1922/23 г., равная по заводской оценке 1.480 млн. руб., по ранее принятому методу оценивалась в 1.158 млн. довоенных рублей. Таким образом и план и исполнение в данной таблице относятся к одному и тому же кругу предприятий. Числа рабочих мы здесь не приводим, ибо в плане Калининкова учтены только производственные кадры без вспомогательного персонала и сезонных рабочих.

Планируемая промышленность далеко однако не охватывала государственной, а тем более всей ценовой промышленности. Как изменялась эта последняя — можно усмотреть из таблицы.

Динамика ценовой промышленности СССР¹ (в неизменных ценах; без акциза)

Годы	Число рабочих в тысячах		Валовая продукция в млн. довоенных рублей				Выработка 1 рабочего в рублях за год					
	Данные ЦСУ		Данн. ВСНХ		Данные ЦСУ		Данн. ВСНХ		Данн. ЦСУ		Данн. ВСНХ	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1922/23	1.302	100	1.462	100	2.168	100	1.794	100	1.665	100	1.227	100
1923/24	1.503	115	1.634	112	2.536	119	2.392	133	1.721	103	1.464	119
1924/25	1.857	143	1.907	130	4.142	191	3.789	211	2.230	134	1.987	162
1925/26	2.347	180	2.414	165	6.023	278	5.330	297	2.566	154	2.208	180
1926/27	2.469	190	2.550	174	6.893	318	6.167	344	2.792	168	2.418	197
1927/28	2.668	205	(2.755)	188	8.432	389	(7.570)	(422)	3.160	190	2.748	(224)

Поскольку нас интересуют здесь только физические объемы продукции, очищенные от влияния динамики цен, мы пользуемся исчислениями валовой продукции в довоенных ценах. Разные источники дают эти исчисления в зависимости от полноты охвата промышленности, принятых цен и других расхождений в методах расчета — в весьма различных абсолютных величинах. По данным ЦСУ мы уже в 1925/26 г. достигли довоенного уровня продукции, по расчетам ВСНХ — почти на год позже. Но независимо от этих различий, останавливая свое

¹ Статистич. справочник СССР за 1928 г., М., 1929 г., стр. 301, „Динамика промышленности за 40 лет“, неопублик. подсчет ВСНХ по 1926/27 г.“ и „Промышленность СССР в 1927/28 г. операц. году“, т. II, М., 1930 г. Неполный учет, использован только в качестве динамического показателя.

внимание только на темпах роста, не трудно усмотреть, что пятилетка Калининкова оказалась по величине продукции выполненной целиком уже в первые три года.

При обсуждении пятилетки Калининкова в президиуме Госплана главное внимание обращалось на полную ее дефектность в части финансового плана. В пятилетке давался погодный расчет необходимых промышленности дотаций в 443 млн. рублей за 5 лет. Но внутреннее накопление промышленности за те же годы вовсе никак при этом не учитывалось. Конечно буржуазные специалисты вслед за известным вредителем Пальчинским пытались использовать такое положение для панических рассуждений о безнадежном — на «сотни» лет — обнищании страны и для подталкивания Союза на политику внешних займов у «американского дядюшки». Но плановики-коммунисты попросту признали план в этой части недоработанным и потребовали от промсекции и в части финансового плана дополнительно дать все необходимые расчеты.

Калининков не случайно конечно не дал в своей пятилетке никаких проектировок внутреннего накопления промышленности. Опираясь на поступающие со всех сторон заявки о дотациях и жалобы на высокую себестоимость советской продукции, превышавшую в то время сплошь и рядом наши продажные цены, он просто не верил в рентабельность нашей госпромышленности и возможность опереться на ее собственные ресурсы. И в самом деле, еще в январе 1922 г. по официальной сводке ВСНХ для выполнения производственных программ 1921/22 г. тресты требовали дополнительных вложений в оборотные средства на сумму 299,8 млн. руб. золотом¹. За весь 1922 г. по всем трестам союзного значения было получено убытков на 24,5 млн. руб., а прибылей только 21,6 млн. руб., т. е. около 3 млн. руб. чистого убытка. В то же время ткани, сахар, бумага, спички, сода и многие другие химические продукты, не говоря уже об угле и металле, продавались еще ниже себестоимости².

И все же советская промышленность очень скоро справилась с этими детскими болезнями своего роста, резко снизила издержки производства, снизила отпускные цены промышленности за 5 лет (с 1 октября 1923 г.) на 25% и удвоила зарплату рабочих за то же пятилетие в денежном выражении (+115%). Что же касается накопления нашей промышленности и вложений в нее, то в отношении этих показателей мы уже привели отчетные данные в таблице 3.

Только за последний год, с переходом к реконструктивному периоду, капитальные вложения в промышленность ВСНХ, включая электростроение, стали заметно превышать внутренние ресурсы самой промышленности. Но такие темпы вложений и накоплений разумеется и не снились нашим вредителям.

* *

¹ См. „Русскую промышленность в 1922 г.“. Изд. ВСНХ, стр. L.

Еще более оторванным от жизни был первый опыт перспективного планирования в области транспорта¹. Для этого были и объективные основания — отсутствие необходимых данных и субъективные — вредительская среда, из которой вышел план. Но преуменьшенность темпов этого плана — 50% прироста грузооборота за 5 лет — была настолько ощутима, что уже тогда вызвала решительный отпор со стороны плановиков-коммунистов, сразу же признавших возможным удвоить намеченный планом прирост работы железных дорог².

Но действительность, как видно из следующей таблицы, превзошла и эту поправку.

Таблица 5
Пятилетка Неопиханова по ж.-д. транспорту³

Годы	Длина эксплоатаци. сети в тыс. км	Грузооборот (отправки)			Эксплоат. бюджет в млн. р.		Чистый доход (+) или дефицит (-) в млн. руб.	Коэффициент эксплуатации	Капитальн. затраты в млн. р.
		в млн. т	в % к 1922/23г.	% прироста за год	Приход	Расход			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1913 (СССР)	58,5	132,4	—	—	985,9	573,5	+ 412,4	59,2	(188)
1922/23	69,6	58,0	100	—	372,1	373,2	- 1,1	100,3	—
П л а н									
1923/24	73,6	63,5	109	9,5	570,6	594,7	- 24,1	104	48,5
1924/25	74,5	73,0	126	15,0	646,7	662,3	- 15,6	102	86,8
1925/26	74,9	78,2	135	7,1	685,2	702,0	- 16,8	102	81,1
1926/27	75,1	83,2	143	6,4	729,1	746,9	- 17,8	102	88,8
1927/28	75,4	87,0	150	4,6	769,3	801,8	- 32,5	104	97,4
За 5 лет	+ 1,8	384,9	+ 50	—	3.400,9	3.507,7	- 106,8	—	402,6
Исполнение									
1923/24	73,9	67,5	116	16,4	691,8	665,5	+ 26,3	96,2	23,8
1924/25	74,4	83,5	144	23,7	953,5	796,6	+ 156,9	83,5	81,2
1925/26	74,6	116,8	201	39,8	1.367,0	1.184,9	+ 182,1	86,7	217,2
1926/27	75,8	135,9	234	16,4	1.644,3	1.385,7	+ 258,6	84,3	309,0
1927/28	76,9	150,6	260	10,8	1.851,8	1.468,3	+ 383,5	79,3	438,0
За 5 лет	+ 3,0	554,3	+ 160	—	6.508,4	4.501,0	+ 1.007,4	—	1.069,2

Пятилетка Неопиханова по грузообороту оказалась выполненной уже в два с небольшим года. При этом вместо дефицита в 106 млн. руб. наши железные дороги дали свыше миллиарда рублей чистого дохода. А на капитальные затраты, включая сюда только усиление и улучшение

¹ См. Материалы к перспект. плану, вып. I. О перспективном плане ж.-д. транспорта на пятилетие 1923/24—1927/28. А. А. Неопиханов. М. 1924 г. и прения в президиуме Госплана от 4/II и 11/III 1924 г., прот. №№ 12, 13 и 29.

² См. выступление Струмилина на президиуме от 29/III 1924 г. и его же статью Транспорт и сельское хоз-во в „План. хоз-во“ 1924 г., № 3, стр. 91, где прирост грузооборота за 5 лет определялся „по меньшей мере“ в 98%.

³ Материалы к перспективному плану, вып. I, стр. 22, 37, 64. Исполнение по отчетности НКПС и материалам Госплана.

ние старой сети и новостройки (без затрат на капитальный ремонт), мы смогли вложить 1.069 млн. руб., т. е. в 2,5 раза больше наметок плана.

Нет ничего удивительного, что этот план тогда же встретил довольно точную оценку как «ультра-пессимистический» (Г. М. Кржижановский) и не получил дальнейшего движения.

В области идеологических установок этой работы, в которой принимал участие целый ряд будущих вредителей, не было достаточной ясности. Но конечно уже один общий безрадостный фон всех прогнозов в области финансовых перспектив восстановления полуразрушенного транспорта должен был наталкивать на известные выводы. И недаром в прениях по докладу Неопиханова мы слышали между прочим и такие речи: «В таких странах как Россия — с мало развитой промышленностью — железнодорожное хозяйство не может базироваться на капитале, полученном в этой стране. Поэтому необходимо сказать, что железнодорожное хозяйство можно правильно поставить путем займа. В настоящее время, поскольку СССР признан Англией, мы можем говорить и о внешнем займе»¹. Говорить, разумеется, можно было не только о внешних займах, но и о сдаче отдельных дорог в аренду концессионерам, как это пытался делать в Госплане, отражая соответствующие устремления старых путейцев из НКПС, и сам Неопиханов². Но, как известно, разговоры эти оказались пустой болтовней, ибо очень скоро мы сумели восстановить наш транспорт и без всякого участия иностранного капитала.

Никаких методологических завоеваний в этой работе не ощущается. Исходя из довоенного опыта, где «прогноз грузооборота» всегда осуществлялся на каждый год «по данным статистических рядов за пять прошлых лет» (стр. 20), Неопиханов переносит эту идею плана-прогноза и в совершенно новые условия советской действительности. «В былые времена при устойчивости хозяйственной жизни этот метод был почти единственным» — замечает Неопиханов, имея в виду статистический метод экстраполяции от прошлого к будущему. Но и в новых условиях, несмотря на то, что опыт революции «дает нам основание признать закономерность общественной жизни («былых времен», конечно) в общем нарушенной», Неопиханов попрежнему танцует в своих плановых построениях от все той же дореволюционной статистической печки. По его словам — «при прогнозе будущего обойтись без статистического метода оказывается прямо невозможным, в результате чего к выявлению возможного на пятилетие грузооборота и был применен метод: а) статистических тенденций за про-

шлые (довоенные) годы, по размерам своей продукции наиболее близкие к современной продукции» и т. д.¹.

Какие плодотворные результаты дал этот «метод» — мы уже видели. Каких-либо иных движущих идей в области планирования указанная работа тоже не открывает. А потому останавливаться на ней здесь дольше нет оснований.

**

Следующим опытом перспективного планирования является сельскохозяйственная пятилетка проф. Кондратьева, вышедшая из Земплана Наркомзема РСФСР и одобренная с небольшими поправками и сельскохозяйственной секцией Госплана². В с.-х. секции эта пятилетка доложена была Кондратьевым 17 января 1924 г., а в президиуме Госплана — 4/VI 1925 г.

В связи с сильно затянувшейся (с декабря 1923 г. до 1926 г.) разработкой и публикацией материалов этой пятилетки «мероприятия» и соответствующие вложения запроектированы Земпланом уже на пятилетие 1924/25—1928/29 гг., в то время как продукция проектировалась на 1923/24—1927/28 гг. Таким образом здесь следствие, т. е. рост продукции, явно опережает свои причины, т. е. запроектированные мероприятия. Этот курьез впрочем вполне гармонирует с общей методологией всего построения пятилетки Кондратьева. Исходя из своей идеи плана-прогноза, а не плана-программы действий, Кондратьев проектировал развитие сельского хозяйства как стихийный результат заложенных в нем внутренних тенденций, перед лицом которых наши мероприятия не могут конечно иметь решающее значение. В предисловии Земплана сказано: «Именно из внимания к особенностям сельского хозяйства всему построению плана придан в значительной мере генетический характер. В силу этого предполагаемый план отправляется от анализа тенденций фактического стихийного развития сельского хозяйства»³.

Если сельское хозяйство Союза развивается стихийно, то конечно наши мероприятия в этом деле могут играть лишь совершенно подсобное, третьестепенное значение. Никакой соразмерности между мероприятиями и развитием хозяйства при этом допущении мыслить не приходится, ибо в противном случае, если бы это развитие в основном определялось нашими мероприятиями, его невозможно было бы трактовать «генетически», как стихийное. Вот почему Кондратьев и К^о могли совершенно спокойно проектировать темпы роста сельского хозяйства сами по себе и мероприятия НКЗема — в полном отрыве от этих темпов сами по себе.

¹ Протокол президиума № 13 от 4/II 1924 г. Выступление П. И. Попова.

² Арх. Госплана, протокол президиума от 2 янв. 1922 г. Неопиханов. Принцип сдачи в аренду тех дорог, которые не могут быть использованы государством, — это также поддежит поощрению, как всякая попытка мертвый капитал превратить в действенный.

¹ Неопиханов. О перспективном плане ж.-д. транспорта, стр. 21. Пояснения в квадратных скобках принадлежат нам.

² См. Н. Д. Кондратьев и Н. П. Огановский. Перспективы развития сельского хозяйства СССР. Труды Земплана, вып. I, М., 1924 г. и след. выпуски.

³ Основы перспективного плана развития сельского и лесного хоз-ва. Труды Земплана, вып. V, М., 1924 г., стр. 3.

В идеологическом отношении пятилетка Кондратьева и Огановского отражала собою совершенно определенно реставраторскую установку ее составителей. Нет никакого сомнения, что «генетическая» их ставка на крестьянскую стихию уже сама по себе исходила из определенной целеустремленности или «телеологии». Строя свои «желательные перспективы» в соответствии с абстрактным «принципом развития производительных сил народного хозяйства», они конкретизировали его как чисто индивидуалистическое развитие со ставкой на крепкого хозяйственного мужичка — эту основную опору всякой народнической идеологии.

Их апелляция к объективным законам «экономической динамики», которые они пытались выявить путем «учета фактических линий развития» и «анализа направления и факторов развития сельского хозяйства за последние десятилетия»¹, т. е. за капиталистический период его развития — не означала ничего другого кроме апелляции к тенденциям капиталистического развития. Конечно в интересах маскировки своей концепции Кондратьеву на словах приходилось раскланиваться и перед идеей коллективизации деревни. «Однако, — тотчас же оговаривался он, — в данный исторически переходный период коллективная форма землепользования еще не является господствующей и общераспространенной. Реально в течение известного времени мы будем иметь дело с широким распространением и других, низших форм землепользования». И во имя этого реализма, учитывая «выявившиеся тенденции у населения», автор проектирует в качестве «наиболее вероятного» развития на период своей пятилетки — «хуторскую и отрубную» формы землепользования². Для некоторых районов эта господствующая форма несколько модифицируется — например в северо-восточном районе проектируется «поселково-отрубная» форма, а в юго-восточном и поволжском — поселково-отрубная и частично-хуторская с типом американско-фермерского хозяйства, но ни в одном районе никаких «тенденций» к коллективизации авторы плана отнюдь не обнаруживают.

В связи с этим уклоном к американскому типу фермерского хозяйства разрешается в пятилетке Кондратьева и «важнейший» в земельной политике вопрос об оптимальных размерах землеобеспечения двора. «Первое время после революции, — пишет автор пятилетки, — руководящим принципом перераспределения земли был принцип уравнительности... По самому существу своему он является принципом, проникнутым идеей потребительного хозяйства. Руководящей идеей настоящего перспективного плана является идея развития производительных сил сельского хозяйства... С такой точки зрения ясно, что типы рациональной организации хозяйства в каждом районе

¹ Кондратьев и Огановский. Перспективы развития сельского хозяйства вып. I, стр. 2.

² Труды Земплана, вып. V, стр. 57.

в значительной мере уже предопределяют и те пределы колебаний землеобеспеченности вверх и вниз, в рамках которых хозяйство может быть рационально организовано... Основной бич современной деревни, как ясно из предыдущего, лежит... в крайнем распылении и раздроблении хозяйств. Осторожная тенденция к их укрупнению должна быть признана настоящей задачей плана восстановления сельского хозяйства»¹.

Несмотря на всю «осторожность» формулировок замысел плана совершенно ясен. Общинная уравнительность не устраивает авторов плана, они против уравнительности и распыления земли, они несомненно за концентрацию и укрупнение, но не в виде колхозов-гигантов, а за гораздо более умеренную концентрацию, за «осторожное» укрупнение в объеме индивидуального кулацкого или, скажем, фермерского хозяйства. «Вот почему по требованию плана необходимо установить на практике политику доброжелательного отношения к трудовой аренде»². Для колхоза она не к чему, а для крепкого крестьянского хозяйства — очень кстати. И даже термин «трудовая» здесь употреблен не из старонароднической симпатии к такому словоупотреблению, а просто для прикрытия статьи 28 Земельного кодекса, допускающего «трудовую аренду». На самом же деле пятилетка отнюдь не возражает и против наемного труда в деревне. Помилуйте, какой же фермерский, т. е. уже не трудовой, а чисто капиталистический тип сельского хозяйства может развиваться без наемного труда? «Вот почему — убеждает нас автор плана — к практике наемного труда должно быть установлено определенное, лишенное одиозности отношение»³.

К этому нужно еще добавить, что налоговая прогрессия в деревне по плану «не должна быть очень сильной, так как в противном случае она явится тормозом для перехода хозяйства из низших групп в более высокие по их экономической мощи»⁴. В то же время авторы плана довольно решительно высказывались против «огульного протекционизма в целях сжатия импорта», за «международное разделение труда» и в частности за привлечение «иностранных средств на началах аренды и концессий»⁵. А в общем, несмотря на некоторую завуалированность отдельных формулировок, эта пятилетка представляла собой довольно развернутую программу расширения нэпа в деревне.

При этом Кондратьев в своих плановых установках был человеком очень покладистым. Он вовсе не требовал слишком радикальных перемен в советских законах и учреждениях. Его бы совершенно устроил и тот правый оппортунизм на практике, который кое-где

¹ Труды Земплана стр. 58. Разрядка везде наша.

² Там же, стр. 58.

³ Там же, стр. 59.

⁴ Там же, стр. 55.

⁵ Там же, стр. 49—52.

культивировал-таки у нас и «доброжелательное» отношение к кулацкой аренде и «лишенное однозности» отношение к эксплуатации наемного труда в крепких хозяйствах и т. п. методы расширения нэпа. Именно на основе такой практики пятилетка Земплана трактовала режим нэпа как режим «государственного капитализма» и определяла его просто как «режим капитализма, пытающегося (!) упорядочить процессы народнохозяйственной жизни путем сознательного и глубокого вмешательства государства»¹. И не случайно также целая глава в этой пятилетке, трактующая о возрождении нашего хозяйства в период нэпа, озаглавлена: «Период реставрации сельского хозяйства»² — это не случайная обмолвка, а точное выражение основной задачи пятилетки Кондратьева.

Как же к ней отнеслись в Госплане?

Сельскохозяйственная секция, которой руководил тогда П. И. Попов, приняла эту пятилетку в общем довольно снисходительно. Правда, от ее внимания отнюдь не ускользнула общая тенденция плана, по которой все мероприятия по улучшению скота, чистосортным семенам, агропомощи, землеустройству и т. п. направлены «по линии более крупных хозяйств». Но секция в то время считала это повидимому неизбежным. «Мероприятия эти, — говорил П. И. Попов, — в максимальной степени будут использованы экономически более мощными крестьянскими хозяйствами. Но с другой стороны — иной подход невозможен, потому что нельзя создать мероприятия для мелких хозяйств одни и для крупных хозяйств другие... Проблема внедрения мероприятий в мелкие хозяйства может быть разрешена только путем создания из них коллективов, но в настоящее время нет еще экономических предпосылок для широкого развития коллективов»³.

Однако эта идея не нашла поддержки в президиуме Госплана. Между прочим уже тогда в противовес скепсису тов. Попова по части предпосылок коллективизации там выдвинута была в качестве такой предпосылки идея тракторизации: «такой экономической предпосылкой в отношении механизации является например применение трактора»⁴. И вообще критика идей пятилетки Кондратьева в президиуме Госплана при участии ряда аграрников-экономистов из Комакадемии была очень острой и решительной. Отмечалась и примитивность методологии: «бралась тенденция развития и экстраполировалась» (Л. Н. Крицман). Бралась под обстрел и общие установки: «Вопрос об аграрно-индустриальном развитии хозяйства получил в плане народническую форму» (Батурицкий). Указывалось на полное отсутствие классовой дифференциации мероприятий в отношении различных слоев деревни (Голендо и др.).

¹ Труды Земплана, стр. 3.

² Там же, вып. I, стр. 86.

³ Архив Госплана, протокол президиума № 156 от 11/VII 1925 г., стр. 10.

⁴ Там же, стр. 18.

В качестве ярых аграризаторов кондратьевская группа при за-проектированной ею политике благоволения к крестьянской верхушке повидимому намечала максимальные темпы роста производительных сил деревни, осуществимые по ее разумению при данной политике, т. е. при ставке на единоличника-кулака в условиях расширения нэпа.

Тем более интересно, в какой мере оправдался их «прогноз» в отношении этих темпов.

Таблица 6
Пятилетка Кондратьева по сельскому хозяйству¹
(СССР без Туркестана, Закавказья и ДВО)

Г о д ы	Посевная площадь в млн. га.					Скот в переводе на крупный	
	Зерновые хлеба	Технич. и пр. раст.	И т о г о				
			Абсол.	В процентах		в млн. голов	в проц-нтах
1	2	3	4	к 1922/23 г.	прирост за год		
1913	96,0	11,3	107,3	—	—	80,0	—
1922	60,4	8,1	68,5	—	—	50,3	—
1923	68,6	9,4	78,0	100	13,8	57,5	100
П л а н							
1924	Не ука-зано	Не ука-зано	85,0	109	9,0	Не ука-зано	—
1925			90,6	116	6,6		—
1926			96,2	123	6,1		—
1927			101,1	130	5,1		—
1928			106,0	136	4,8		74,1
И с п о л н е н и е							
1924	78,8	14,9	93,7	120	20,1	66,0	115
1925	84,1	16,0	100,1	128	6,8	70,4	122
1926	90,4	15,8	106,2	136	6,0	75,0	130
1927	92,0	16,6	108,6	139	2,3	78,2	136
1928	80,6	19,0	109,6	140	0,9	79,1	138

Данные за 1913 (по скоту 1916), 1922, 1923 гг. и плановый период мы приводим здесь в том виде, как они исчислены авторами плана, по территории Союза (без Туркестана, Закавказья и ДВО) и с поправками на недоучет, принятыми в Земплане. Отчетные данные за 1924—1928 гг. приведены нами к той же территории по данным ЦСУ (единоличные и коллективные хозяйства). И вот оказывается, что

¹ Труды Земплана, вып. I, стр. 29, 137-138 и 148. Вследствие неряшливости профессорской работы на разных страницах приводятся итоги, не вполне совпадающие друг с другом и с требованиями арифметики.

Исполнение исчислено по изданиям ЦСУ: Стат. справочник СССР за 1928 г. М., 1929 г., стр. 178 и след. „Итоги десятилетия“, 1927 г., стр. 168 и след. 188 и след. „Сельское хозяйство СССР 1925—1928 гг.“, М., 1929 г., стр. 174, 187, 198 и т. д. Посевы 1913 г. приняты в плане с поправкой на недоучет в 10%, 1922 г.—с поправкой + 25% и 1923 г.—с поправкой + 20%.

по этим вполне сравнимым данным пятилетка Кондратьева осуществилась уже в три года. Это тем более показательно, что советская власть за эти годы отнюдь не благоприятствовала в своей политике процветанию кулака-единоличника. Она шла своим собственным путем, нажимая на кулака и вытесняя его во имя скорейшей коллективизации середняцко-бедняцких масс деревни. И, несмотря на огромные трудности первых шагов на этом пути, несмотря на активный саботаж кулацкой верхушки, этот путь уже дал нам много больше, чем сулила отвергнутая политика Кондратьевых и Огановских.

Довольно показательна с точки зрения последующего планового опыта и программа вложений в сельское хозяйство пятилетки Кондратьева. Выступая очень рьяно против сверхиндустриализаторских «перспективных ориентировок» Госплана последующих лет, Кондратьев, Макаров и К^о всегда требовали значительного расширения вложений в сельское хозяйство за счет соответствующего сужения проектируемого размаха индустриализации. Спрашивается однако, каков же их собственный размах в этом отношении? Сколько они сами требовали вложений в интересах аграризации страны?

Оказывается — не много. Все их вождедения на этот счет не превышали по всей РСФСР за пять лет 540 млн. черв. руб., включая сюда и лесное хозяйство¹. Собственно на развитие сельского хозяйства в этой программе значилось только 451 млн. руб., в том числе по госбюджету 88,2 млн., по местному бюджету — 143,5 млн., по с.-х. кредиту — 163,2 млн. и за счет хозорганов и населения — 57,1 млн. руб. Самыми крупными статьями в этой программе были мелиорация — 82,9 млн., животноводство — 78,8 млн., коневодство — 42 млн., ветеринария — 41,8 млн., землеустройство — 39,1 млн., переселение — 26,2 млн. и травосеяние — 25,2 млн. Никакой крупной технической реконструкции в этом плане не заверстано. И те небольшие средства, какие здесь указаны, расплылись на многие тысячи мельчайших объектов, например в программе мелиорации значилось 782 пруда, 8.993 шахтных колодца, 543 труб. колодца, 120 фильтров и т. д. и т. п. Ни борьбы с засухой в широком масштабе, ни каких-либо других больших идей здесь и не намечалось. На механизацию намечалось затратить за все 5 лет 21,4 млн. руб., на семеноводство — 12,3 млн., на тракторизацию — 4,7 млн., на искусственные удобрения — 2,8 млн. руб. Понятно, что ни о каком повышении урожайности в плане Кондратьева и речи не могло быть. О масштабах коллективизации в этом плане можно судить хотя бы из того, что из 39,1 млн. руб. затрат на землеустройства на долю колхозов уделялось за 5 лет 780 тыс. руб., т. е. менее 2%.

Особенно поражает в этих наметках крайняя убогость кондратьевской программы по части механизации и химизации сельско-

хозяйственного производства. Исходя из нынешних установок, эта часть плана представляется особо одиозной, она прямо пахнет вредительством. Но тогда все это представлялось в несколько ином освещении. Для восстановления правильной исторической перспективы напомним, что при обсуждении в президиуме Госплана очень куцой в отношении с.-х. машиностроения и производства химических удобрений пятилетки Калининкова раздавались такие речи: «Вы полагаете, что крестьянин будет покупать фосфаты? Ничего подобного, фосфаты всегда покупали частные хозяева, а крестьянин покупать их не будет. В результате фосфаты будут лежать у вас на складе, также как сельскохозяйственные машины, потому что в них нет потребности»¹. И нужно сказать, что так думал отнюдь не вредитель или невежда в вопросах сельскохозяйственной экономики. Эти слова принадлежат б. председателю сельскохозяйственной секции Госплана П. И. Попову.

Минимализм пятилетки Кондратьева в указанном отношении превосходит всякие пределы. Чтобы иллюстрировать это фактами, приведем несколько цифр. До войны у нас было всего 187 тракторов на всю страну, на 1/X 1924 г. их уже насчитывалось по СССР 2.560 (а через 5 лет — 42.136 шт. с мощностью в 470,9 тыс. лошадиных сил. Кондратьевцы проектировали за то же пятилетие дать РСФСР всего 16 тыс. тракторов, т. е. даже с поправкой на территорию раза в два преуменьшили наши реальные возможности. По с.-х. машиноснабжению они проектировали затратить в РСФСР за все пятилетие 21,4 млн. руб., а на самом деле только за один последний год этой пятилетки (1928/29) на машиноснабжение РСФСР было затрачено свыше 90 млн. руб., т. е. в 4,5 раза больше. А общая сумма затрат по финансированию сельского хозяйства РСФСР по сравнению с планом Кондратьева оказалась в таком соотношении (в млн. черв. руб.).

Годы	План	Исполнение
1924/25	58	(101)
1925/26	62	157
1926/27	89	239
1927/28	106	286
1928/29	125	381
За пять лет	450	1.170

Приведенные цифры не вполне сравнимы, так как в «исполнение» мы не включили вложений «за счет населения» и некоторых других, учтенных в плане. И все же исполнение раза в 2,5 превышает «прогноз» Кондратьева.

¹ См. Труды Земплана, вып. V, стр. 82, а также вып. VI, стр. 210 и др.

¹ Архив Госплана, протокол президиума № 127 от 1 XII 1923 г., л. 3^а.

Таким образом генеральная линия партии на социалистическую индустриализацию страны уже за эти годы в порядке побочного эффекта обеспечила нам возможность и в области финансирования сельского хозяйства дать ему неизмеримо больше того, что подавалось предвидению наиболее ярых аграризаторов буржуазного лагеря.

* * *

Не останавливаясь на других менее важных опытах отраслевого перспективного планирования за восстановительный период, мы могли бы всем им дать следующую краткую характеристику. В области методологии все эти примитивные опыты отличаются крайним эмпиризмом. Дальше «метода» экстраполяции «стихийного» роста за прошлые годы на будущее время с весьма проблематичными поправками к нему на основе «экспертных» оценок вероятной в этом будущем емкости рынка, возможного накопления и т. п. факторов дело не шло. В области идеологии этих плановых опытов чувствуется совершенно определенная установка составителей — не столько на восстановление довоенных масштабов, сколько на реставрацию довоенных общественных отношений в народном хозяйстве страны. В области проектировки темпов развития мы наблюдаем здесь крайний минимализм, вытекающий прежде всего из полного неверия в творческие силы и возможности советского строя.

Идея затухающих кривых развития, которая в качестве рабочей гипотезы использовалась во всех перспективных проектировках того времени, тоже обязана своим происхождением восстановительному периоду. В качестве авторов этой идеи обычно называют Громана и Базарова. Однако нужно признать, что на практике она начала применяться гораздо раньше, чем оформилась в «теорию». «Довоенный уровень» для всех буржуазных идеологов того времени с взглядами, устремленными всегда назад, вообще представлялся чрезвычайно заманчивым и далеким идеалом. В советских условиях хозяйства, по их представлению крайне несовершенных, это был предел, его же не преjdeши. Большие успехи первых лет нэпа на путях восстановления вызывали явное недоумение у этих идеологов и требовали объяснения. Вредитель Калинин привел по этому поводу на суде следующую версию:

«Наша буржуазная идеология давала нам одно объяснение для быстрого темпа восстановления, это — за счет громадных (?) материальных и производственных ресурсов, которые после Октябрьской революции перешли от буржуазии к советской власти»¹. В сущности говоря, остатки буржуазного наследия в области материальных запасов, сохранившиеся от периода империалистической и гражданской войн, к 1921 г. были совершенно ничтожны, а производственные ресурсы оборудования были крайне потрепаны и обесценены. И за счет этих жалких остатков прежнего буржуазного величия при старом

¹ „Известия“, 1930 г., № 327.

укладѣ жизни потребовались бы наверное для восстановления не годы, а целые десятилетия. Но это не мешало специалистам буржуазного лагеря тешить себя объяснением, что наши бурные успехи за счет «разбазаривания» последних остатков буржуазного наследия должны естественно кончиться вместе с этими остатками. А отсюда дескать вытекала с неизбежностью или капитуляция советской власти ради займов перед мировым капиталом или перманентно затухающая кривая развития.

Фактическое движение темпов роста промышленной индустрии за 1924/25—1926/27 гг. (57%, 39% и 19% по планируемому кругу предприятий) и некоторые другие аналогичные факты как будто подтверждали чаяния буржуазных идеологов. «Ученые» школы Громана конечно не упустили возможности возвести такие эмпирические факты в степень экономического закона. Но никакого непреодолимого закона здесь разумеется не было. На стадии восстановительного процесса, когда для расширения продукции требуются только относительно незначительные дополнительные вложения оборотных средств, возможности роста при одних и тех же ресурсах конечно выше, чем по завершении этой стадии, когда требуется одновременно увеличивать не только оборотные, но и основные фонды. Отсюда за последние годы восстановительного процесса, когда в одной отрасли за другой мы уже вплотную подходили к стопроцентному использованию старых фондов, некоторое замедление роста из-за отсутствия ресурсов для широкого развертывания новых капитальных работ было вполне естественно. Но наши возможности накопления не оставались неизменными. Они с каждым годом возрастали. И очень скоро даже скорее, чем это предвидели иные оптимисты, они обеспечили нам, вопреки всяким пессимистическим прогнозам, новое ускорение темпов и явно восходящую кривую развития.

Так называемый «восстановительный» процесс, по мысли его буржуазных теоретиков, должен был восстановить не только довоенные масштабы производства, но и довоенные соотношения, т. е., говоря яснее, капиталистическую структуру хозяйства. В «Сводном докладе о контрольных цифрах народного хозяйства 1925/26 г.», не увидевшем света, автор его Громан писал между прочим следующее: «Исследовать восстановительный процесс — значит понять его закономерность, ибо все происходящее подчинено определенным законам. Какая основная гипотеза должна лежать в основе этого исследования? Мы должны предположить, что мы имеем тенденцию приближения к довоенным размерам, соотношениям и формам связей между отдельными элементами народного хозяйства... Вторая гипотеза заключается в том, что в течение наступающего года мы используем все оставшиеся у нас человеческие и материальные производительные силы на 100%... таким образом мы к концу года предполагаем приближение к системе равновесия бывшей до эпохи начала экономической разрухи»...

Столь обнаженно реставраторская трактовка восстановительного процесса встретила тогда же решительный отпор в коммунистической среде Госплана. «Теория» Громана была отвергнута, а в официальном печатном докладе Комиссии по контрольным цифрам на 1925/26 г. прямо сказано, что «довоенные соотношения были в глазах Комиссии не нормой, не моделью перспективных построений, а лишь некоторым условным масштабом измерений». Вместе с тем Комиссия отмечала моменты реконструкции в самом восстановительном процессе и заключала: «мы можем теперь уже сказать с достаточной уверенностью, что система равновесия, к которой стремится эта динамика, будет иметь весьма мало общего с довоенной»¹.

Как было показано выше, все опыты перспективного планирования этого времени были обречены на провал. Ни один из них даже не представлялся на одобрение правительства. Их минимализм бил в глаза и неизменно выправлялся в порядке текущего планирования и оперативной ведомственной работы.

¹ КЦ народного хозяйства на 1925-26 г. М., 1925 г., стр. 14. Впрочем в других отношениях методологическое влияние школы Громана—Базарова все же заметно сказывалось на построении этих первых контрольных цифр Госплана.